

Токарева О.Г., Альмешкина А.А.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ У ПАЦИЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького», Донецк, ДНР

В более ранних публикациях [1] рассматривался вопрос субъективного отчуждения у пациентов с различным уровнем психических расстройств. Оказалось, что для пациентов невротического уровня характерно достаточно сильное отчуждение (большее, чем для пациентов психотического уровня) по форме нигилизма в целом, и отчуждение от работы и семьи по данной форме – в частности. Эти пациенты, как правило, не видят смысла как в прожитом отрезке жизни, так и в своем дальнейшем существовании, что особенно явно отражается на семейной и трудовой жизни. Отчуждение от близких людей причиняет сильное страдание пациенту, его семье, а также способствует появлению новых конфликтных ситуаций. Конфликты, в свою очередь, ведут к усилению отчужденности. Формируется, своего рода, «порочный круг», усугубляющий течение имеющегося психического расстройства. Отчуждение же от работы ведет к пренебрежению своими трудовыми обязанностями и сказывается на ухудшении качества оказываемых услуг, что напрямую затрагивает социальную и экономическую сферы в целом.

Острота и актуальность данной проблемы в современном обществе вынуждает искать все новые и новые способы оказания психиатрической, психотерапевтической и психологической помощи населению. Наиболее эффективным является непосредственно устранение причинного фактора, а, значит, необходимо пристально изучать особенности формирования отчужденности, проявления в каждом конкретном случае и искать перво-причину развития данного состояния.

Большинство авторов видят основную причину отчуждения в отсутствии у человека смысла жизни, сформированных жизненных целей и ценностей. Так, например, Дж. Ройс и А. Пауэлл полагают, что смысл существует

во всем, что субъект делает, как мыслит, чувствует и чему верит, вызывая, таким образом, колоссальный диапазон реакций. Они говорят о том, что «...теория личности должна начинаться с постулата, что люди переживают свою жизнь в свете того, что они считают «осмысленным», то есть в свете индивидуальных подходов к жизни» [2, с. 234]. Субъективный смысл коррелирует у Дж. Ройса и А. Пауэлла с определением значимости, «которую каждый индивид приписывает критическим аспектам бытия». Они выстроили определенную иерархическую модель личности, в которой смысл стоит на самой вершине. Основной функцией ее при этом является стабилизация и совершенствование такого субъективного образования, как личностный смысл [2].

М. Чиксентмихали считает опрометчивым думать, что жизнь имеет единый всеобъемлющий смысл, через который любая деятельность в прошедшем, настоящем или будущем обретет свою собственную суть. Однако, это совсем не означает, что жизнь не имеет смысла вовсе. Он полагает, что превалирующая часть того, что принято именовать культурой и цивилизацией – это лишь попытки человека, как правило, с минимальным шансом на успех, выстроить чувство субъективного смысла и цели, а также определенный смысл и цель для своих детей [3, с. 215].

Взгляд одного из корифеев исследования смысла жизни, В. Франкла, нашел отражение в его теории личности и предложенном им особом виде экзистенциальной психотерапии – логотерапии. Учение В. Франкла условно подразделено на несколько частей: учение о стремлении к смыслу, учение о смысле жизни и учение о свободе воли. Он полагает, что стремление к смыслу – врожденное качество любого индивида, которое является стимулом и движущей силой его саморазвития. По мнению В. Франкла, стремление к смыслу

присуще даже людям, совершающим суицид, поскольку некое устремление у них все же есть – не к жизни, так к смерти [4, с. 236].

Согласно позициям учения о смысле жизни, он доступен любому человеку вне зависимости от его гендерных, социальных и демографических состояний и религиозных конфессий [5]. Однако, В. Франкл полагает, что смысл жизни заключается не в его поиске, а в ответе на постоянные жизненные вызовы, на которые необходимо реагировать здесь и сейчас, и реагировать не словом, а действием. К тому же, грубейшей ошибкой является говорить о смысле жизни индивидуума в целом – необходимо ставить вопрос об определенном смысле жизни определенной личности непосредственно в текущий момент [6, с. 113].

Учение о свободе воли, по мнению В. Франкла, базируется на том, что поиск и осуществление жизненного смысла напрямую не зависят от свободы человека, и могут быть реализованы даже при объективно возникающих препятствиях [7, с. 106].

Утрата же смысла жизни или невозможность найти его здесь и сейчас способствуют развитию у человека ряда патологических феноменов: переживание некой прострации, нецелесообразности жизни; ощущение скуки, неудовольствия, отсутствие ясного направления и представления своей жизни; снижение мотивационного компонента, а также потеря структурности целеполагания, приводящая к фрагментации деятельности; превалирование потребностей над ценностями, что сводится лишь к их удовлетворению [7, 8, 9].

Описательный аппарат признает чрезвычайную схожесть феномена смыслоутраты и феномена субъективного отчуждения, который, в свою очередь, включен в ряд социально-гуманитарных дисциплин [10, 11, 12].

Традиционно понятие «отчуждения» связывается с философией К. Маркса, который описывал, в первую очередь, отчуждение человека от процесса и результатов труда [13].

В психологическом пространстве одним из первых об отчуждении заговорил «отец психоанализа» З. Фрейд. Он полагал, что данный феномен трансформируется из связи с предметно-социальным миром в связь с собственным телом и следующими за этим социальными последствиями и характерен для патологического развития личности, в котором культура есть нечто чужеродное и враждебное для человеческого «Я». Само-

отчуждение же, по З. Фрейду, неразрывно связано как с невротической потерей собственного я — деперсонализацией, так и с потерей чувства реальности окружающего мира — дереализацией [14, с. 126].

Немалый вклад в понимание данного феномена внесла также К. Хорни, которая полагала, что в основе отчужденности лежит базовое чувство беспокойства, «коренная тревога», прямо влияющая на межличностное и самоотчуждение. Она поднимает вопрос «Отчуждения от актуального Я», проявляющегося в пренебрежении своими переживаниями, идеями или действиями, с потерей субъективного смысла. Этот феномен К. Хорни видит в потере внутреннего стражника психической энергии, активным пренебрежением заложенной потенциальности [15].

М. Симен также использовал психологический подход к пониманию феномена отчуждения. Он выделил пять компонентов: бессилие (неспособность достичь желаемых результатов), бессмысленность (неспособность понять смысл происходящих событий, своей деятельности и своих ориентиров), аномия (пренебрежение социальными нормами для достижения своих целей), изоляция (отчуждение от общепринятых целей и ценностей) и самоотчуждение (отчуждение непосредственно от себя) [16].

В настоящий момент наиболее актуальной точкой зрения на феномен отчуждения является концепция С. Мадди, успешно адаптированная для русскоязычной среды Е.Н. Осиным и Д.А. Леонтьевым. С. Мадди выделял четыре формы отчуждения: вегетативность, бессилие, нигилизм и авантюризм, причины которых видел в преобладании биологического или социального над внутренним.

Например, описывая понятие вегетативности, он прибегает к помощи литературных источников, в частности, А. Камю в своей повести «Посторонний» описывал героя, который предпочитает телесное духовному, придается чревоугодию, сну и плотским утехам, испытывая переживания скорее телесные, чем психологические [17, с. 314]. Бессилие, по мнению С. Мадди, развивается при неспособности влиять на субъективно значимые личные или общественные дела [18]. Нигилизм им обнаруживается в малоразвитой, особой форме антисмысла и попыток его утверждения, при авантюризме же постоянный поиск экстрима и опасности создает

для человека иллюзию смысла и контроля над жизнью.

Таким образом, вопрос разработки новых методов оказания психолого-психиатрической помощи через работу с феноменом отчуждения обретает все новую актуальность [19] и становится приоритетной задачей настоящего времени.

Целью данного исследования стало изучение гендерных особенностей субъективного отчуждения у пациентов с различным уровнем психических расстройств.

Материалы и методы

Материальной базой исследования стали пациенты, страдающие психическими расстройствами, которые находились на стационарном лечении в Республиканской клинической психиатрической больнице (РКПБ) и Республиканской клинической психоневрологической больнице–Медико-психологическом центре (РКПБ–МПЦ) города Донецка. В исследовании приняли участие 39 больных обоих полов в возрасте от 18 до 62 лет (медиана возраста исследуемых – 36 лет (Q1–Q3: 29 – 52)).

В основную группу исследования вошли 26 женщин (66,7%), страдающие расстройствами психотического (13 человек; 50%) и невротического (13 человек; 50%) уровней. В соответствии с МКБ-10 им были установлены следующие диагнозы: параноидная шизофрения, непрерывный тип течения (F20.0); шизоаффективное расстройство (ШАР), депрессивный тип (F25.1); ШАР, смешанный тип (F25.2); биполярное аффективное расстройство (БАР), текущий маниакальный эпизод (F31.1); БАР, текущий эпизод умеренной депрессии (F31.3); рекуррентное депрессивное расстройство, текущий эпизод умеренный (F33.2); депрессивный эпизод умеренный (F32.1); смешанное тревожно-депрессивное расстройство (F41.2); расстройство адаптации в виде смешанной тревожной и депрессивной реакции (F43.22); соматоформная вегетативная дисфункция (F45.3); агорафобия (F40.0).

В данной группе преобладали пациентки, страдающие психическим расстройством менее 5 лет (18 человек; 69,2%). Кроме того, для большей части женщин данная госпитализация была первой в жизни (11 человек; 42,2%), а факторами, предшествующими госпитализации, чаще всего выступали эмоци-

онально-стрессовые потрясения (15 человек; 57,7%).

В группу сравнения вошли 13 мужчин (33,3%), также страдающие расстройствами психотического (7 человек; 53,8%) и невротического (6 человек; 46,2%) уровней. Им были выставлены следующие диагнозы: параноидная шизофрения, непрерывный тип течения (F20.0); хроническое бредовое расстройство (F22.8); БАР, текущий маниакальный эпизод (F31.1); БАР, текущий эпизод легкой депрессии (F31.3); БАР, текущий эпизод смешанный (F31.6); расстройство адаптации, смешанная тревожная и депрессивная реакция (F43.22); паническое расстройство (F41.0); генерализованное тревожное расстройство (F41.1); ипохондрическое расстройство (F45.2).

В данной группе также преобладали пациенты, страдающие психическим расстройством менее 5 лет (7 человек; 53,8%). В зависимости от кратности госпитализаций превалировали мужчины, для которых данная госпитализация стала второй в жизни (4 человека; 30,7%), но равномерно распределись и те пациенты, для которых данная госпитализация была первой в жизни (3 человека; 23,1%), те, для которых данная госпитализация являлась третьей (3 человека; 23,1%) и те, у кого в анамнезе было 4 госпитализации и более (3 человека; 23,1%). Факторами, предшествовавшими госпитализации, чаще всего были эмоционально-стрессовые переживания (6 человек; 46,2%) и прекращение приема поддерживающей терапии (4 человека; 30,7%).

Для оценки состояния субъективной отчужденности использовался «Опросник субъективного отчуждения» (ОСОТЧ-В) Е.Н. Осина [1, с. 72; 20], клинико-демографические параметры оценивались при помощи персональных унифицированных карт, заполненных на каждого пациента.

Математический анализ выполнялся с применением статистических методов анализа таблиц MS Excel и лицензионного пакета статистического анализа «Statistica 12.6» (StatSoft) на IBM PC/AT.

Была выполнена проверка нормальности распределения каждой из исследуемых групп. Для групп, имеющих нормальное распределение, применялся параметрический анализ по t-критерию Стьюдента, а для групп, имеющих ненормальное распределение, применялся непараметрический анализ по U-критерию Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение

Оценивались различия по общей шкале отчуждения, по каждой из форм отчуждения в целом, а также по формам отчуждения в зависимости от сферы жизни (работа, общество, другие люди, семья, самоотчуждение) для

основной группы и группы сравнения. Кроме того, был проведен внутригрупповой статистический анализ по основным клиническим параметрам. Данные приведены в процентном отношении. Средние значения по каждой из шкал представлены в Таблице 1 и Таблице 2.

Таблица 1

Средние значения уровня отчуждения для пациентов основной группы и группы сравнения

Показатель	Основная группа	Группа сравнения
Общий уровень отчуждения	37,1±14,9	32,8±14,4
Вегетативность	31,1±15,9	32,5±17,6
Бессилие	37,9±18,2	32,0±14,5
Нигилизм	45,0±18,9	36,5±19,3
Авантюризм	34,4±17,0	30,2±17,1
Отчуждение от работы		
Вегетативность	33,3±22,3	29,7±23,3
Бессилие	36,9±26,3	29,0±24,9
Нигилизм	56,6±30,7	51,3±28,0
Авантюризм	31,5±24,5	37,4±30,2
Отчуждение от общества		
Вегетативность	33,9±25,5	41,0±23,8
Бессилие	51,3±25,0	52,3±20,4
Нигилизм	59,6±27,3	54,1±26,2
Авантюризм	36,4±24,7	31,5±17,7
Отчуждение от других людей		
Вегетативность	40,5±22,4	37,2±22,1
Бессилие	41,3±23,3	34,6±25,2
Нигилизм	26,7 (16,7-40)	26,4±26,9
Авантюризм	39,9±22,7	34,6±22,7
Отчуждение от семьи		
Вегетативность	24,7±20,5	21,8±19,7
Бессилие	25,0 (13,3-50)	20,0±16,0
Нигилизм	36,1±26,4	25,6±20,1
Авантюризм	23,3 (3,3-43,3)	25,9±27,2
Отчуждение от самого себя		
Вегетативность	23,3 (0-43,3)	32,8±29,0
Бессилие	30,3±21,1	24,4±19,6
Нигилизм	43,8±20,8	25,1±15,4 **
Авантюризм	38,2±26,3	21,5±16,2 *

Примечание: * - различия между группами статистически значимы, $p \leq 0,05$;

* - различия между группами статистически значимы, $p \leq 0,01$.

Внутригрупповой анализ субъективного отчуждения у пациентов с различным уровнем психических расстройств

Показатель	Женщины	Мужчины
Невротический уровень психических расстройств		
Отчуждение от работы Бессилие	42,83±22,24	20,02±20,98 *
Авантюризм	30,25±20,26	58,88±27,62 *
Отчуждение от самого себя Нигилизм	46,92±20,47	26,88±15,62 *
Психотический уровень психических расстройств		
Отчуждение от самого себя Нигилизм	40,77±21,48	33,3 (0-33,3) *
Страдающие психическим расстройством менее 5 лет		
Отчуждение от самого себя Нигилизм	44,44±20,39	29,04±8,95 *
Авантюризм	41,86±24,67	18,1±14,0 *
Внутригрупповой анализ основной группы		
	Клинические параметры	
Показатель	Невротический уровень	Психотический уровень
Отчуждение от самого себя Вегетативность	30,77±20,27	15,38±22,58 *
Показатель	Болеющие менее 5 лет	Болеющие более 5 лет
Отчуждение от самого себя Вегетативность	28,52±23,15	10,82±15,8 *
Внутригрупповой анализ группы сравнения		
	Клинические параметры	
Показатель	Невротический уровень	Психотический уровень
Отчуждение от работы Бессилие	20,02±20,98	36,66±26,86 **
Отчуждение от семьи Нигилизм	38,9±17,35	14,3±15,13 *

Примечание: * - различия между группами статистически значимы, $p \leq 0,05$;

* - различия между группами статистически значимы, $p \leq 0,01$.

Было выявлено, что уровень субъективного отчуждения в целом у женщин выше, чем у мужчин (табл. 1). При этом, статистически значимая разница (табл. 1) между основной группой и группой сравнения определилась по субшкале «Отчуждение от себя» в форме нигилизма ($p=0,007$), что свидетельствует в пользу того, что женщины, в сравнении с мужчинами, ощущают крайне мало смысла в понимании себя, своих глубинных проблем и переживаний, а поиск

данного смысла может принимать для них деструктивный характер.

В субшкале «Отчуждение от себя» для основной группы и группы сравнения также определилась статистически значимая разница (табл. 1) по форме авантюризма ($p=0,02$), что свидетельствует о том, что бессмысленность и скуку в повседневной жизни женщины чаще, в сравнении с мужчинами, предпочитают заполнять экстремальными видами деятельности, поступками, связанными с азартом и риском.

Внутригрупповой анализ показал статистически значимые различия (табл. 2) у женщин (13 человек; 68,4%) и мужчин (6 человек; 31,6%), страдающих невротическими расстройствами (19 человек; 48,7%) по субшкалам «Отчуждение от работы» в форме бессилия и авантюризма, и «Отчуждение от себя» по форме нигилизма. Причем, у женщин достоверно выше было отчуждение от работы по бессилию ($p=0,05$) и от себя по нигилизму ($p=0,047$), в то время как у мужчин достоверно выше оказалось отчуждение от работы по авантюризму ($p=0,02$). Полученные данные могут свидетельствовать о том, что женщины, страдающие расстройствами невротического уровня, чаще теряют веру в свою способность влиять на трудовой процесс, в котором они оказываются задействованы, при сохраненном понимании его важности, в то время, как мужчины, страдающие невротическими расстройствами, предпочитают преодолевать скуку и ощущение бессмысленности трудового процесса вовлечением в какие-либо азартные, рискованные мероприятия, повышающие уровень адреналина.

У женщин (13 человек; 65%), имеющих психотический уровень психических расстройств (20 человек; 51,3%) статистически выше (табл. 2), чем у мужчин (7 человек; 35%) определялось отчуждение от себя в форме нигилизма ($p=0,045$), что свидетельствует о недостаточном понимании своих переживаний. Для данной группы пациенток причиной такого феномена может выступать сохранение определенной продуктивной симптоматики.

Выше изложенные данные активно подтверждаются результатами (табл. 2), полученными при внутригрупповом сравнении пациентов, страдающих психическим расстройством менее 5 лет (25 человек; 64,1%): у женщин (18 человек; 72%) достоверно выше, чем у мужчин (7 человек; 28%) определялось отчуждение от себя по форме нигилизма ($p=0,016$) и авантюризма ($p=0,026$). Среди лиц, болеющих более 5 лет статистически значимых различий выявлено не было.

Кроме того, был проведен внутригрупповой анализ основной группы, который показал статистически значимые различия (табл. 2) между лицами с невротическим (13 человек; 50%) и психотическим (13 человек; 50%) уровнями психических расстройств и между лицами, болеющими менее 5 лет (18 человек; 69,2%) и более данного срока (8

человек; 30,8%). Так, у женщин, страдающих расстройствами невротического уровня достоверно выше ($p=0,032$) был уровень отчуждения от себя по форме вегетативности, чем у женщин, страдающих расстройствами психотического уровня. Также достоверно выше отчуждение от себя по форме вегетативности было у женщин, болеющих менее 5 лет ($p=0,038$). Данные показатели свидетельствуют в пользу того, что женщины, имеющие невротический уровень психических расстройств, а также болеющие менее 5 лет, испытывают гораздо больше неверия в ценность и значимость осуществляемой ими деятельности, а, следовательно, могут пренебрегать ею.

При проведении внутригруппового анализа у группы сравнения также были выявлены статистически значимые различия (табл. 2) между мужчинами, страдающими невротическим (6 человек; 46,2%) и психотическим (7 человек; 53,8%) уровнями психических расстройств по субшкалам «Отчуждение от работы» в форме бессилия ($p=0,01$) и «Отчуждение от семьи» в форме нигилизма ($p=0,02$). Полученные данные могут свидетельствовать в пользу того, что мужчины, страдающие психотическим уровнем психических расстройств гораздо более, в сравнении с мужчинами, страдающими невротическим уровнем психических расстройств, не уверены в своей способности влиять на трудовой процесс, при сохраненном понимании его важности. При этом, мужчины, страдающие расстройствами невротического уровня, в сравнении с мужчинами, имеющими психотический уровень расстройств, видят достаточно мало смысла в поддержании близких отношений со своей семьей, их жизнь представляется им лишенной значимых связей и не связанной с жизнями других людей, а поиск смысла приобретает деструктивный характер. Различия в длительности заболевания не имели статистической значимости для группы сравнения.

Оценивая полученные результаты, можно отметить, что наиболее часто у лиц женского пола наблюдалось достоверно большее, в сравнении с лицами мужского пола, отчуждение от себя по формам нигилизма и авантюризма. С нашей точки зрения, превалирование у лиц женского пола отчуждения от себя, своей личности и глубинных пере-

живаний может быть связано с несколькими факторами. Во-первых, для них характерен, в сравнении с мужчинами, гораздо более лабильный гормональный фон, приводящий к достаточно резким переходам эмоциональных состояний от дистимического круга до гипертимического. Подобные изменения в значительной степени действуют на восприятие любой эмоционально-стрессовой ситуации и могут оказывать влияние на формирование разного рода копингов, как адаптивных, так и неадаптивных, в ряде случаев провоцируя развитие смыслоутраты и отчуждения, а также выступая одним из факторов риска формирования расстройств невротического и психотического круга.

Во-вторых, у женщин, в отличие от мужчин, преобладает эмоциональное восприятие и переработка информации, в связи с чем они склонны «пропускать ситуацию через себя», что при субъективно высоком (как качественно, так и количественно) объеме триггеров также может приводить к отчужденности и формированию психических расстройств различного уровня.

Тот факт, что для большинства женщин отчуждение от себя приняло форму нигилизма и авантюризма свидетельствует о стремлении к поиску смысла своего дальнейшего существования, пусть и через деструктивность и экстрим. В данном случае стоит предложить им более конструктивные пути поиска смысла, оказывая активную психотерапевтическую поддержку. Положительный эффект, вероятно, будут иметь некоторые методы когнитивно-поведенческой и экзистенциальной психотерапии.

Обращает на себя внимание тот факт, что для женщин, страдающих психическими расстройствами невротического уровня и болеющих менее 5 лет характерно также отчуждение от себя по форме вегетативности. Данное обстоятельство можно объяснить короткой продолжительностью заболевания, а также наличием критической оценки имеющихся переживаний. Такие пациентки еще не выработали подходящие им механизмы совладания с новой ситуацией, и поэтому пребывают в состоянии наиболее тяжелой, с точки зрения С. Мадди, формы отчуждения.

Интересным является то, что мужчины чаще испытывали отчуждение от работы и от семьи. Например, было выявлено, что для мужчин более характерно, в сравнении с лицами женского пола, отчуждение от работы по форме авантюризма. По нашему мнению, причина данного феномена заложена как раз в более рациональном подходе лиц мужского пола к восприятию и переработке информации и, вероятно, большей субъективной значимости профессиональной сферы жизни для них. Как было сказано выше, отчуждение по форме авантюризма все же предполагает стремление к смыслу и должно активно поддерживаться при разработке персонифицированных реабилитационных программ.

При сравнении лиц мужского пола, имеющих различный уровень психических расстройств, было выявлено, что мужчины, страдающие психотическими расстройствами, испытывали намного большее отчуждение от работы по форме бессилия, чем мужчины, страдающие расстройствами невротического уровня. Вероятно, полученные результаты могут быть объяснены переживаниями, связанными с наличием продуктивной симптоматики. Такие пациенты полагают, что не в состоянии повлиять на события, происходящие с ними, и на свои трудовые обязанности в частности.

Кроме того, мужчины, страдающие психическими расстройствами невротического уровня, испытывали большее отчуждение от семьи по форме нигилизма, чем мужчины, страдающие психотическими расстройствами. По нашему мнению, причина такого феномена может состоять в давности заболевания данных пациентов. При наличии критической оценки своего состояния, переживания оказались настолько психотравмирующими, что прошедшего времени с начала заболевания оказалось недостаточно для выработки корректных механизмов реагирования и проработки их, что отразилось в первую очередь на семье.

Изучение особенностей смыслоутраты и состояния субъективного отчуждения людей с психическими расстройствами будет продолжено в дальнейших исследованиях с целью использования полученных данных для разработки персонифицированных реабилитационных программ.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ У ПАЦИЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ

Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького», Донецк, ДНР

Острота и актуальность проблемы отчуждения вынуждает искать новые способы оказания психиатрической, психотерапевтической и психологической помощи населению. Наиболее эффективным является непосредственно устранение причинного фактора. Необходимо пристально изучать особенности формирования отчужденности, проявления в каждом конкретном случае и искать первопричину развития данного состояния.

В данной статье рассматриваются гендерные особенности субъективного отчуждения у пациентов с невротическим и психотическим уровнем психических расстройств. В исследовании приняли участие 39 больных обоих полов в возрасте от 18 до 62 лет. Основную группу составили 26 женщин (66,7%), страдающие расстройствами психотического и невротического уровней. В группу сравнения вошли 13 мужчин (33,3%), страдающие аналогичными расстройствами. Для оценки состояния субъективной отчужденности использовался «Опросник субъективного отчуждения» (ОСОТЧ-В) Е.Н. Осина, клинико-демографические параметры оценивались при помощи персональных унифицированных карт, заполненных на каждого пациента. Метод математической обработки включал использование статистических методов анализа. Оценивались различия по общей шкале отчуждения, по каждой из форм отчуждения в целом, а также по формам отчуждения в зависимости от сферы жизни (работа, общество, другие люди, семья, самоотчуждение) для основной группы и группы сравнения. Кроме того, был проведен внутригрупповой статистический анализ по основным клиническим параметрам.

Оценивая полученные результаты можно отметить, что наиболее часто у лиц женского пола наблюдалось достоверно большее, в сравнении с лицами мужского пола, отчуждение от себя по формам нигилизма и авантюризма. Для женщин, страдающих психическими расстройствами невротического уровня и болеющих менее 5 лет характерно отчуждение от себя по форме вегетативности. Мужчины чаще испытывали отчуждение от работы и от семьи. При сравнении мужчин, имеющих различный уровень психических расстройств, было выявлено, что мужчины, страдающие психотическими расстройствами, испытывали намного большее отчуждение от работы по форме бессилия. Мужчины, страдающие невротическими расстройствами, испытывали большее отчуждение от семьи по форме нигилизма. Полученные данные могут использоваться при разработке персонифицированных реабилитационных программ для пациентов.

Ключевые слова: гендер, отчуждение, нигилизм, авантюризм, бессилие, вегетативность

GENDER FEATURES OF SUBJECTIVE ALIENATION IN PATIENTS WITH DIFFERENT LEVEL OF MENTAL DISORDERS

State educational institution of higher professional education
«M. Gorky Donetsk national medical university», Donetsk, DPR

The severity and relevance of the problem of alienation forces us to look for new ways to provide psychiatric, psychotherapeutic and psychological assistance to the population. The most effective is directly eliminating the causative factor. It is necessary to closely study the features of the formation of alienation, manifestations in each particular case and look for the root cause of the development of this condition.

This article discusses the gender characteristics of subjective alienation in patients with a neurotic and psychotic level of mental disorders. The study involved 39 patients of both sexes aged 18 to 62 years. The main group consisted of 26 women (66.7%) suffering from disorders of psychotic and neurotic levels. The comparison group included 13 men (33.3%) suffering from similar disorders. To assess the level of estrangement were used the results of the Questionnaire of subjective alienation of E.N. Osin, clinical and demographic parameters were evaluated using personal unified cards filled out for each patient. The mathematical processing method included the use of statistical analysis methods. Differences were evaluated on the general scale of alienation, on each of the forms of alienation in general, and also on forms of alienation depending on the sphere of life (work, society, other people,

family, self-alienation) for the main group and the comparison group. In addition, an intragroup statistical analysis was performed on the main clinical parameters.

Assessing the results obtained, it can be noted that most often among females there was a significantly greater, in comparison with males, alienation from oneself in the forms of nihilism and adventurism. For women suffering from mental disorders of a neurotic level and having been ill for less than 5 years, alienation from themselves in the form of vegetativity is characteristic. Men were more often alienated from work and from family. When comparing men with different levels of mental disorders, it was found that men suffering from psychotic disorders experienced a much greater alienation from work in the form of powerlessness. Men with neurotic disorders experienced a greater alienation from the family in the form of nihilism. The data obtained can be used in the development of personalized rehabilitation programs for patients.

Keywords: gender, alienation, nihilism, adventurism, powerlessness, vegetativity

Литература

1. Токарева О.Г., Альмешкина А.А. Оценка уровня субъективного отчуждения у пациентов с различным уровнем психических расстройств. Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2019; 3 (47): 70-77.
2. Royce J.R., Powell A. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall; 1983. 304.
3. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: HarperPerennial; 1990. 305.
4. Frankl V. Der Mensch von der Frage nach dem Sinn: eine Auswahl aus dem Gesamtwerk. Miinchen; Zurich: Piper; 1979. 308.
5. Frankl V. Logos, paradox and the search for meaning. Cognition and psychotherapy. New York: Plenum. 1985; 259-275.
6. Frankl V. Man's search for meaning: an introduction to logotherapy. New York: Simon and Schuster; 1984. 189.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс; 1990. 367.
8. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл; 2003. 487.
9. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль; 1988. 301.
10. Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса. Душа человека. М.: Республика; 1998. 425.
11. Schacht R. Alienation. NY: Anchor Books; 1971. 294.
12. Schmitt R Alienation and Freedom. Boulder; 2003. 145.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М.; 1956. 174.
14. Фрейд З. «Я» и «Оно»: в двух томах. Том 1. Тбилиси: Мерани; 1991. 396.
15. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение. Международный научный журнал «Культурно-историческая психология». 2007; 4: 68-77.
16. Seeman M. Empirical Alienation Studies. An Overview. Geyer R.F., Schweitzer D.R. (eds). Theories of Alienation. Leiden; 1976. 268.
17. Maddi S.R. The Existential Neurosis. Journal of Abnormal Psychology. 1967; 72 (4): 311-325.
18. Maddi S.R. Hardiness: An Operationalization of Existential Courage. Journal of Humanistic Psychology. 2004; 44 (3): 279 – 298.
19. Абрамов В.Ал. Смысл как первичная сила жизни, смыслоутрата (отчуждение) как экзистенциальный вакуум. Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2018; 1 (41): 20-30.
20. Осин Е.Н. Опросник субъективного отчуждения. В кн.: Бодалев А.А. (ред.), Психология общения: Энциклопедический словарь. М.: Когито-Центр; 2011: 526-527.

References

1. Tokareva O.G., Al'meshkina A.A. Otsenka urovnya sub'ektivnogo otchuzhdeniya u patsientov s razlichnym urovnem psikhicheskikh rasstroistv [Assessment of the level of subjective alienation

- in patients with different level of mental disorders]. *Zhurnal psikiatrii i meditsinskoi psikhologii*. 2019; 3 (47): 70-77 (in Russian).
2. Royce J.R., Powell A. Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall; 1983. 304.
 3. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: HarperPerennial; 1990. 305.
 4. Frankl V. Der Mensch von der Frage nach dem Sinn: eine Auswahl aus dem Gesamtwerk. Miinchen; Zurich: Piper; 1979. 308.
 5. Frankl V. Logos, paradox and the search for meaning. Cognition and psychotherapy. New York: Plenum. 1985; 259-275.
 6. Frankl V. Man's search for meaning: an introduction to logotherapy. New York: Simon and Schuster; 1984. 189.
 7. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of meaning]. Moscow: Progress; 1990. 367 (in Russian).
 8. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smysl; 2003. 487 (in Russian).
 9. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti [Personality anomalies]. Moscow: Mysl'; 1988. 301 (in Russian).
 10. Fromm E. Kontseptsiya cheloveka u K. Marksa. Dusha cheloveka [The concept of man by K. Marx. The soul of man]. Moscow: Respublika; 1998. 425 (in Russian).
 11. Schacht R. Alienation. New York: Anchor Books; 1971. 294.
 12. Schmitt R Alienation and Freedom. Boulder; 2003. 145.
 13. Marks K., Engel's F. Ekonomicheskoe i filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. Moscow; 1956. 174 (in Russian).
 14. Freid Z. «Ya» i «Ono»: v dvukh tomakh. Tom 1 [«I» and «It»: in two volumes. Volume 1]. Tbilisi: Merani; 1991. 396 (in Russian).
 15. Osin E.N., Leont'ev D.A. Smysloutrata i otchuzhdenie [Meaning and alienation]. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya»*. 2007; 4: 68-77 (in Russian).
 16. Seeman M. Empirical Alienation Studies. An Overview. Geyer R.F., Schweitzer D.R. (eds). Theories of Alienation. Leiden; 1976. 268.
 17. Maddi S.R. The Existential Neurosis. *Journal of Abnormal Psychology*. 1967; 72 (4): 311-325.
 18. Maddi S.R. Hardiness: An Operationalization of Existential Courage. *Journal of Humanistic Psychology*. 2004; 44 (3): 279 – 298.
 19. Abramov V.A. Smysl kak pervichnaya sila zhizni, smysloutrata (otchuzhdenie) kak ekzistentsial'nyi vacuum [Sense as the primary force of life, meaning loss (alienation) as an existential vacuum]. *Zhurnal psikiatrii i meditsinskoi psikhologii*. 2018; 1 (41): 20-30 (in Russian).
 20. Osin E.N. Oprosnik sub'ektivnogo otchuzhdeniya [Questioning subjective exclusion]. V kn.: Bodalev A.A. (red.), *Psikhologiya obshcheniya: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Kogito-Tsentr; 2011: 526-527 (in Russian).

Поступила в редакцию 08.04.2020